

РОЗДІЛ X РЕЦЕНЗІЇ

*А.Г. Болебрух
(м. Дніпропетровськ)*

Мамсик Т.С. К переосмыслению исторической роли декабристов: И.И. Пущин и другие...// Проблемы історії України XIX – початку XX ст. Вип. XIV. – К.: Інститут історії України, 2007. С.21–40 (далі сторінки вказані у тексті).

За истекшие 20 лет в разных областях исторической науки (да и гуманитаристики в целом) некоторыми исследователями неоднократно предпринимались попытки компенсировать недостаток профессионализма эпатажными «открытиями». Это и сенсационные хронологические смещения А.Фоменко, и отвергнутый отечественными и зарубежными учеными «концепт» В.Суворова о тайнах Второй мировой войны, и последние по времени откровения А.Бычкова о мифичности Киевской Руси как государства IX–XIII вв., и дилетантское стремление придать «Велесовой книге» статус подлинности и т.п.

Не остались без критического внимания и декабристы, точнее их образ, созданный усилиями как советских ученых, так и российских историков XIX ст. Новейшая инвектива в адрес участников выступления на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. изложена в статье новосибирского автора, опубликованной в солидном киевском издании. После ее прочтения складывается впечатление, что автор руководствовался словами талантливого поэта, современника декабристского движения А.Грибоедова:

Я правду о тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи.

Избрав главным персонажем своего повествования И.И.Пущина (1798– 1859), члена Северного общества декабристов, который активно участвовал в трагических событиях 1825 г., автор попробовал на примере его поведения на Сенатской площади, а затем и в ссылке вскрыть «подлинные» цели тех, кто якобы стоял за спиной участников восстания и направлял их поступки. В конце статьи содержится вывод, правда, весьма лаконичный и в то же время туманный: «В Сибирь были отправлены, с одной стороны, люди, которые явились всего лишь орудием режиссеров неудачного дворцового переворота, с другой же стороны, – те, кто тайно, по-рыцарски помог Николаю удержать власть ради сохранения империи. В Сибири судьба «рыцарей» оказалась в руках агентов, продолжавших служить оппозиции, мечтавшей о реванше. К числу их жертв, кроме В.К.Кюхельбекера, о котором речь шла выше, относился также и М.А.Фонвизин. К моменту амнистии не только бывший генерал (т.е. М.Фонвизин. –

А.Б.), но и весь его род исчезнет с лица земли. О вкладе, который внесли в это дело И.Пушин и его родственники, следует говорить особо» (с.36).

Не буду детализировать собственный вариант расшифровки процитированного вывода, но, однако, замечу, что основная авторская мысль понятна. Она состоит в том, что декабристское движение по своему общественно-политическому значению сводится к неуместному вмешательству в довольно необычную династическую борьбу за престол, что могло бы обернуться дестабилизацией положения в стране.

Подобный ракурс в корне искажает историческое значение декабризма как первого опыта самостоятельного вторжения общественности в решение важнейших вопросов народной жизни, как драматичного протеста против угрожающей самонадеянности авторитаризма. Да, внешне ситуация, действительно, была похожа на появление третьего, неожиданного участника дворцового соперничества. Скоропостижная смерть Александра I в Таганроге не стала своевременно известна в обществе, как не было известно и завещание скончавшегося бездетного императора, по которому престол переходил к младшему брату Николаю, а не к старшему – Константину, как то предусматривало действующее законодательство. Но последний задолго до 1825 г. по объективным причинам отказался от воцарения на престол. В результате и в правящих кругах, включая Сенат, и в армии, особенно в гвардии, наступило временное замешательство, поскольку началась подготовка к присяге Николаю. Ситуацию чрезвычайно осложняло то обстоятельство, что если с будущим воцарением либерального Константина правительственные сферы смирились как с неизбежностью, то передача короны Николаю, у которого общественный «рейтинг» был не очень высоким, вызывала определенное неприятие.

Чтобы не допустить неразберихи и замешательства в столице, генерал-губернатор граф М.Милорадович убедил Николая и Сенат отказаться от объявления всеобщей присяги до получения от Константина официального подтверждения отречения, а еще лучше – до его личного прибытия в столицу.

Пока шла суматошная переписка между Петербургом и Варшавой, где находился Константин, декабристы решили публично выступить, вывести вверенные им войска на Сенатскую площадь и, воспользовавшись междуцарствием, поддержать восхождение на престол свободомыслящего Константина, но с непременным условием, что он утвердит подготовленную последними демократическую конституцию.

Таким образом, «военная демонстрация» декабристов вблизи Зимнего дворца в Петербурге преследовала отнюдь не корыстные цели гвардейских офицеров-дворян, руководивших восставшими солдатами, и уж тем более не была авантюрным происшествием. Да, на каторге немало декабристов несколько иначе оценивало события 14 декабря, но подавляющее большинство членов тайных обществ сохранило на всю жизнь верность прежним идеалам. Так, И.Якушкин писал И.Пушину из Ялutorовска: «Во всяком положении есть для человека особенное назначение и в нашем, кажется, оно состоит в том, чтобы сколько возможно менее хлопотать о самих себе. Оно, конечно, не так легко, но зато и положение наше не совсем обыкновенное. Одно только беспрестанное внимание к прошедшему может осветить для нас будущее; я убежден, что каждый из нас имел прекрасную минуту, отказавшись чистосердечно и неограни-

ченно от собственных выгод, и неужели под старость мы об этом забудем. И что же после этого нам останется?»¹.

Подход Т.С.Мамсик к декабристскому движению явно выпадает из новейшей историографии. В последние годы теоретические аспекты декабризма получили новую трактовку по сравнению с прежними, преимущественно строго марксистскими концепциями. Например, В.Федоров утверждал, что на рубеже XVIII–XIX вв. российская общественная мысль поставила такие задачи социального реформирования, которые ранее возникали и перед западноевропейскими странами. « Но специфика России заключалась в том, что задачи буржуазно-демократического преобразования страны, выдвинутые ее освободительным движением, опережали реальные условия их осуществления. В этом в сущности заключалась и трагедия первых борцов за свободу в России»².

Иной точки зрения придерживается П.Зырянов под некоторым влиянием, как можно предположить, либеральной историографии конца XIX – начала XX в. Он писал, что декабристы, немало поспорив по поводу способов достижения цели, согласились, что не все методы хороши, а потому отдали предпочтение мирным способам; их выступление на Сенатской площади по сути было мирной формой протеста, хотя в руках у них и было оружие.³ Следовательно, П.Зырянов стремился отойти от выпячивания революционности декабристов (советский тезис) и от безусловного осуждения радикализма последних (либеральный тезис), а вместо этого высоко оценил их моральный подвиг и благородные цели.

Час от часу в литературе появляются иного рода публикации, авторы которых ставят перед собой цель во что бы то ни стало дегероизировать декабристов, доказать, что они своим выступлением принесли очевидный вред, а не пользу России. Так, известный историк Б.Миронов разработал самобытную концепцию, согласно которой у декабристов не было никаких оснований ополчаться против русского самодержавия и крепостнической системы: «Тип русской государственности, существовавший в XVI–XVII вв., можно назвать народной монархией или патриархальной монархией, внешне ограниченной аристократией, представительным учреждением (т.е. Боярской думой. – А.Б.) и церковью как институтом, а внутренне – обычаем, традицией, законом, православной догматикой... Московский режим был народным и легитимным, народ отождествлял себя с царем, что чрезвычайно усиливало власть последнего. Закономерно, что Иван Грозный вошел в народную память как народный царь».

А в XVIII–XIX вв., писал далее Б.Миронов (словно развивая славянофильскую точку зрения), русская национальная традиция была существенно искажена: Екатерина II, Павел I, Александр I, несмотря на значительные различия политических программ, всячески укрепляли абсолютистскую власть царя. Александр I и Николай I, подчеркивал историк, проводили политику дистанцирования от дворянства и его намерений перебрать на себя ряд государственных функций. «Этому – делал необоснованное заключение автор, – способствовало восстание декабристов 1825 г., которые

¹ Дружинин Н.М. Декабрист И.Д.Якушкин и его ланкастерская школа // Дружинин Н.М. Избр. труды: Революционное движение в России в XIX в. – Москва, 1985. – С.391.

² История России XIX – начала XX вв. – Москва, 1998. – С.101.

³ История России с начала XVIII и до конца XIX века. – Москва, 1999. – С.335.

пытались произвести государственный переворот: ввести конституцию и парламент, даровать политические права узкому кругу граждан, соответствовавших высоким избирательным цензам, что привело бы к превращению дворянства в правящий класс де-юре».

«Разобравшись» с восставшими декабристами, Николай I, – писал Б.Миронов, – создал такую правительственную систему, которая «была одной из самых последовательных попыток осуществления идей просвещенного абсолютизма». При этом императоре, утверждал исследователь, «сложилась правомерная (т.е. опирающаяся на законы. – А.Б.) бюрократическая монархия». ¹ Оставалось только подыскать, кто же виновен в глубоком кризисе 1850-х годов...

Тезис об историческом авантюризме декабристов, а то и об их корыстных замыслах, к сожалению, нередко стал звучать и в новейших работах. ²

Более взвешенную точку зрения предложил в середине 1990-х гг. М.Да-выдов ³, который отметил сходство реформаторских планов декабристов и передовых кругов российского общества (П.Киселев, А.Ермолов, М.Воронцов, Н.Мордвинов и др.), но последние надеялись на инициативу монарха, а не на насильственные меры. Правда, историк не задавался вопросом о том, а что же делать в том случае, если монархи не сумеют или не пожелают приступить к реформам. Да и во введении автор выдвинул сомнительное положение, будто Александр I первым поставил вопрос о «коренных реформах государственного строя России...», а вовсе не «сто прапорщиков» ⁴.

На этом историографическом фоне статья Т.С.Мамсик стоит как бы особняком, поскольку переводит декабристское выступление из политической плоскости в сумеречное подземелье заговора. Добро бы статья ограничивалась личностью И.Пущина. Может быть, в его действиях и удалось бы обнаружить что-нибудь непристойное; но ведь в заглавии заявлена претензия целиком «переосмыслить историческую роль декабристов»! На этой претензии мы и остановимся несколько подробнее. Прежде всего – о предполагаемой провокаторской роли И.Пущина в среде декабристов. Аргументы, приводимые в статье, в крайнем случае могут быть признаны сомнительными, а говоря по-научному, необидительными. А если вообще без всяких обиняков – то это банальный оговор известного общественного деятеля первой половины XIX в. Двусмысленным является цитируемый отзыв о Пущине некоего историка Царскосельского лица Гастфрейнда, что данный сокурсник А.Пушкина – «личность не по заслугам раздутая», не по праву несущая на себе «нимб декабристской святости». Перечисляя положительные черты его образа в памяти современников (напр., «друг бесценный» для Пушкина, друг почти всех декабристов и т.д.), Т.С.Мамсик пускается в ни чем не спровоцированные подозрения: да мог ли он быть дружен с таким количеством неординарных людей, действительно ли вел искреннюю переписку во «впечатляющих ма-

¹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.): Генезис личности, демократии, семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. – Санкт-Петербург, 2000. – Т.2. – С.125–149.

² См.: *Бокова В.М.* – Эпоха тайных обществ. – Москва, 2003.

³ *Давыдов М.А.* Оппозиция Его Величества. – Москва, 1994.

⁴ Там же. – С.3.

сштабах» и т.д.? Не скрывается ли за всем этим некая потайная цель? Крайне подозрительно, отмечается в статье, что Пушину (при запрете для ссыльных отлучаться далее 30 верст) удавалось посещать товарищей в разных сибирских городах и при этом ни разу не пострадать. Недоверие автора статьи вызывал сам Ялutorовск, где последний отбывал ссылку, так как в этот населенный пункт сходились нити связей большинства декабристов. Трудно объяснить, каким логическим путем мог быть сделан вывод о том, что и многочисленные связи Пушина с декабристами, и его благотворительная деятельность в их среде – это следует скорее всего истолковать как желание «загладить свою вину перед ними»? Более того, не являлась ли благотворительная деятельность и помощь нуждающимся ссыльным «ширмой для реализации совсем других задач»?

Отталкиваясь от этих трудно объяснимых сомнений, автор и развивает далее свое повествование и конструирует вымышленный образ Пушина как агента и шпиона, а через него бросает мрачную тень и на все движение декабристов. Причем совершенно не объясняется, почему выдуманные недостатки одного из более чем сотни сосланных декабристов нужно воспринимать как ущербность всего их движения? «При внимательном анализе облика безупречного, казалось бы, героя Декабря обнаруживаются загадочные, если не «темные», то по меньшей мере «серые» пятна. Они, – читаем далее в статье, – и дали основания к постановке такого кощунственного вопроса (т.е., что дружелюбие Пушина – «ширма для реализации других задач». – А.Б.). При поиске же ответа на него с логической необходимостью обрушиваются концепции многих связанных с Декабрем событий» (с.22).

Можно согласиться с автором, что с созданием новой концепции декабристского движения ему не посчастливилось, но вот попытки опорочить другие концепции в статье видны невооруженным глазом.

В центре фабулы рассматриваемой статьи лежат взаимоотношения Пушина и его однокашника по лицу Кюхельбекера, точнее незаметные, но жестокие преследования первым второго. В момент восстания 14 декабря последний «посыгал» на жизнь великого князя Михаила Павловича и после заточения в крепости его отправили в весьма отдаленную от мест пребывания других ссыльных забайкальскую крепость Акшу. Кюхельбекер на каторге испытал немало бед, в том числе оставался почти без средств к существованию, потерял зрение и слух и умер, оставив на произвол судьбы жену и двоих детей.

Пушин в данной статье сравнивается с литературным агентом Гречем, который преследовал неугодных правительству сочинителей, поскольку «друг декабристов» всячески старался посеять в обществе несправедливое представление о Кюхельбекере как о бездарном графомане. Поясняя причины столь «безжалостного» обращения Пушина со своим однокашником в Сибири, автор статьи, не найдя других объяснений, писал, что, мол, какие-то влиятельные политические силы еще в Шлиссельбургской крепости якобы завербовали его и поручили ему наблюдение за ссыльными товарищами с целью выведать те тайны, которые не удалось выявить в ходе следствия. Кюхельбекеру будто бы была известна какая-то «тайна» и, дабы он не смог ею поделиться с другими ссыльными, ему всячески мешали общаться с ними и специально лепили в среде декабристов облик «Кюхли» как «смешного существа», неадекватно воспри-

нимающего окружающие события. Пущин после преждевременной кончины Кюхельбекера даже тщательно перерыл его архив. В статье не говорится, ни что искал Пущин, ни что он сумел выведать у Кюхельбекера. По-видимому, читаем в статье, «он владел какой-то информацией, опасной для деятельности тайного агента», а именно об «истинной роли Большого Жанно (Пущина. – А.Б.) в событиях Декабря...» (С.24).

Что же это за роль Пушина в декабрьских событиях 1825 г., информацию о которой он пытался нейтрализовать столь «неблаговидными» средствами, включая интимные связи с вдовами Кюхельбекера и Фонвизина? По мнению автора статьи, последний опасался, что станут известными все обстоятельства того факта, с какой целью он 14 декабря 1825 г. уговаривал Кюхельбекера «ссадить» с лошади (т.е. застрелить) великого князя Михаила, «пытавшегося доказать морякам законность присяги Николаю. Кюхельбекер же мало того, что указал следствию на этот факт, но еще и пояснил, что сам он целился в великого князя для одного лишь вида (заведомо зная, что пистолет его «измочен снегом») с тем, чтобы «не допустить к сему (т.е. к убийству.-Т.М.) других». Пущин на следствии категорически отверг показания Кюхельбекера. И во что бы то ни стало желая избежать обвинения в участии в заговоре с целью убийства члена императорской семьи, он будто бы согласился на сотрудничество с царской охранкой.

Итак, Пущин – как можно понять автора статьи – принадлежал к «оппозиции», т.е. основной части декабристов, рассчитывавших возведением на императорский престол Константина превратить его в конституционного монарха, а когда это не удалось, оставались верными своим идеалам.

Но среди декабристов, даже тех, кто вышел к Медному всаднику, утверждается в статье, находились и противники насильственных методов, которые, разобравшись в политико-династической ситуации, «по-рыцарски» помогли Николаю «удержать власть ради сохранения империи». Симпатии автора анализируемой статьи, безусловно, на стороне этих «рыцарей».

Пущин же, не сумев понять, что он и его единомышленники сыграли роль «орудия режиссеров неудачного дворцового переворота», после поражения восстания вынужден был, по мнению автора данной статьи, предстать перед победившей властью в образе «раскаявшегося грешника» и принять на себя (притворно!) миссию агента. И по возможности преследовать «рыцарей» Николая I, мечтая «о реванше».

Подведем итоги. Как нам кажется, нет необходимости детально рассматривать аргументы автора в пользу несостоятельной концепции о сыскной миссии Пушина на каторге. Заметим лишь, что аргументы эти, с нашей точки зрения, малоубедительны и уникальную репутацию его среди прогрессивных людей первой половины XIX в.¹ поколебать не смогли. И уж тем более они не попали в цель – в «историческую роль» декабристов, поскольку заряд оказался холостым...

¹ Эйдельман Н.Я. Большой Жанно. – Москва, 1982; Жизнь Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники: В 2 т. – Москва, 1984. – С.133–173.